

Олег Кинг Брахманин

Междумирье

«Автор»
2026

Кинг Брахманин О.

Междумирье / О. Кинг Брахманин — «Автор», 2026

Анна и её друг-электрик попадают в игру «Междумирье» — и быстро понимают, что это не просто развлечение. Пересекая туманные станции, проходя через мрачные посёлки и сталкиваясь с существами, для которых слово — якорь, а обещание — валюта, они учатся договариваться не только с людьми, но и с самой реальностью. На комбинате «Исполин» им предстоит пройти сквозь цеха, где ночь перерабатывают в свет, а тени обретают форму. Смогут ли они сохранить свои обещания, когда сама ткань мира пытается их разорвать, или станут ещё одним сбоем в бесконечном механизме Междумирья?

© Кинг Брахманин О., 2026
© Автор, 2026

Олег Кинг Брахманин
Междумирье

Станция Тайга-Сортировочная.

Анна пыталась разобраться с мерцающей лампой в коридоре — та мигала, будто пыталась передать какой-то сигнал. В голове ещё крутились обрывки бабушкиных слов про то, что дом помнит, и Анне казалось, что даже проводка здесь шепчет на непонятном языке.

Анна позвонила мне и попросила прийти разобраться со светом. Я пришел через час.

-Электрика вызывали? - с улыбкой спросил я открывшей мне дверь Анну. Опять с тобой мерцает? Или что-то другое?

-Не знаю. - сказала Анна. Посмотри пожалуйста.

-Хорошо, сейчас гляну.

Анна кивнула, пропуская меня внутрь, и вдруг поймала себя на том, что прислушивается не к моим шагам, а к тому, как меняется воздух, когда я заходил: напряжение будто слегка спадает, словно рядом появился кто-то, кто умеет ладить с непослушными вещами.

Я прошёл в коридор, прищурился на лампу, потом перевёл взгляд на розетку, а потом — на полку, где среди старых мелочей лежал странный предмет: чёрная коробка без опознавательных знаков, с матовой поверхностью, которая будто поглощала свет.

— А это что? — спросил я, кивнув на коробку. — Выглядит… не отсюда.

Анна нахмурилась. Она точно не помнила, чтобы эта коробка стояла здесь раньше. Но теперь, когда на неё смотрели мои глаза, она вдруг показалась пугающе знакомой — как вещь, которую ты видел во сне и потом находишь наяву.

— Не знаю, — тихо сказала Анна. — Появилась сама. Или я её просто раньше не замечала.

Я подошёл ближе, осторожно постучал по крышке костяшками пальцев — звук вышел глухим, будто внутри была не пустота, а что-то плотное, вязкое. И в тот же миг коробка щёлкнула. Сама. Без чьей-либо руки. Крышка приподнялась ровно на сантиметр, и из щели вырвался тонкий луч бледно-зелёного света, похожий на отблеск болотного огонька.

Внутри лежала игра. Не обычная настольная, а странная: поле из тёмного стекла, на котором проступали линии, будто трещины, складывающиеся в карту; металлические фишки, холодные даже на вид; и колода карт с тиснением, напоминающим переплетение корней. А в центре — маленький диск с выгравированным словом: «Междумирье».

Не сговариваясь, мы одновременно потянулись к игре. Пальцы Анны коснулись диска, мои пальцы — края поля. И в ту же секунду раздался низкий гул, будто где-то глубоко под домом провернулся огромный механизм. Свет в квартире погас — не резко, а медленно, словно его выпивали тени. А потом вспыхнул снова — но уже не привычный жёлтый, а холодный, лунный.

Игра началась сама.

На поле вспыхнули символы, карты зашелестели, будто их перетасовывал невидимый игрок, а диск в центре закрутился, разгоняя вихрь света. Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног, а воздух становится густым, как туман. Рядом охнул я — мои пальцы всё ещё касались края поля, и теперь я смотрел на Анну широко раскрытыми глазами, в которых читалось: «Это не проводка. Это вообще не физика».

А потом мир раскололся.

Мы стояли на туманной железнодорожной станции. Рельсы уходили в никуда, растворяясь в белёсом мареве. Вместо обычных фонарей вдоль путей были насажены светящиеся тыквы — их свет был не тёплым, а странным, будто внутри тлели не угли, а чьи-то воспоминания. Туман цеплялся за плечи, тяжёлый и влажный, и в нём то и дело мелькали силуэты — не люди, а скорее их отражения, потерявшиеся между станциями.

Из вагона поезда выглядывала Полуночница — высокая, тонкая, с лицом, скрытым в тени капюшона. Она укачивала выдолбленный тыквенный плод, внутри которого тлели угли, отбрасывая дрожащие блики на её руки. Её движения были плавными, почти музыкальными, будто она напевала беззвучную колыбельную для самой темноты.

Анна почувствовала, как по коже бегут мурашки, но не от страха — от узнавания. Будто этот мир был ей знаком, как старый сон, который наконец-то обрёл форму. Я рядом сжал кулаки, потом разжал, словно проверяя, настоящие ли у меня руки.

— Это… игра? — хрипло спросил я. — Или мы уже не в игре?

Анна покачала головой, не отрывая взгляда от поезда.

— Думаю, мы и то, и другое, — прошептала она. — Но пока мы касаемся игры, мы можем влиять на это место.

Полуночница подняла голову, и на мгновение её глаза — тёмные, без зрачков — встретились с глазами Анны. В этом взгляде не было угрозы, но была проверка: готова ли она принять правила? Анна кивнула, будто отвечая на невысказанный вопрос.

И тогда Полуночница чуть наклонила тыкву, и угли внутри вспыхнули ярче, очерчивая путь к открытой двери вагона.

— Нам надо сесть в поезд, — твёрдо сказала Анна, беря меня за рукав. — Пока граница не сомкнулась окончательно.

Я кивнул, сглотнул, но руку не отдёрнул. Вместе мы шагнули по перрону, чувствуя, как туман липнет к одежде, а тыквы следят за нами своими пустыми глазницами. Ступени вагона показались неожиданно тёплыми, почти живыми. Мы поднялись внутрь, и дверь за ними закрылась с тихим, окончательным щелчком.

Бесконечный плацкарт

Поезд тронулся — не с грохотом, а с мягким вздохом, будто он давно ждал этих пассажиров. Вагон был старомодным: деревянные панели, латунные ручки, окна, за которыми туман стелился, как шёлковая вуаль. Полуночница прошла мимо, не глядя на нас, и поставила тыкву на полку — её свет теперь мягко освещал купе, не давая темноте шанса.

Анна села у окна, прижимая к себе маленькую металлическую фишку — ту самую, которую схватила в последний момент. Я сел напротив, положил руки на колени и выдохнул.

— Ладно, — сказал я, глядя на Анну. — Допустим, это игра. Значит, у неё есть правила. И, наверное, конец. Расскажи мне, что мы должны делать дальше.

Анна улыбнулась — не радостно, а с той решимостью, которая приходит, когда ты наконец перестаёшь спрашивать «почему» и начинаешь спрашивать «как».

— Мы будем слушать, — сказала она. — Этот поезд везёт не по рельсам, а по историям. И если мы услышим их правильно, то сможем найти выход. Или, может быть, что-то большее.

Поезд набирал ход, унося нас всё дальше от привычной реальности, туда, где туман становился плотным, как ткань, а каждый стук колёс звучал как новая строчка в их общей истории.

Поезд шёл не по рельсам — он плыл сквозь туман, будто сам был частью этого белёсого моря. Вагон покачивался с тягучей, почти живой инерцией: деревянные панели тихо стонали, латунные ручки позвякивали, а окна были затянуты не стеклом, а чем-то полупрозрачным, похожим на застывший лунный свет — сквозь него мир виделся размытым, как в старом сне.

Воздух пах дымом, мокрой корой и чем-то сладко-кислым — будто кто-то только что раздавил горсть болотной клюквы. По проходу, шаркая подошвами, бродил живой Светильник Джека: тыква с прорезанными глазами, надетая на плечи, а сверху — потрёпанная ушанка, из-под которой выбивались пряди седого ворса. Он толкал перед собой тележку, уставленную жестяными кружками, и хрипло бормотал:

— Ведьмин эль! Свежайший, прямо с болот! В подстаканниках, как положено! Кому глоток храбрости? Кому — забвения?

Анна покосилась на него и тихо шепнула мне:

— Лучше не брать. Кто знает, что там за храбрость.

Я нервно хмыкнул:
— Я и так храбрый. Просто у меня руки дрожат от напряжения. Не от страха.

В этот момент из дальнего конца вагона появился проводник. Высокий, сутулый, в форменной шинели, которая будто была скроена из теней. На месте одного глаза — пустая глазница, и в ней тлел оранжевый огонёк, ровно, как уголёк в печи. Он шёл медленно, чеканя шаг, и с каждым его движением воздух становился плотнее, будто сам поезд набирал вес.

— Билеты, — рявкнул он, останавливаясь напротив их купе. Голос у него был низкий, скрежещущий, будто камни тёрлись друг о друга. — Без билетов — в котёл. С углём. На ближайшей станции сдам Дикой Охоте. У них как раз пополнение нужно.

Я побледнел, но тут же попытался взять себя в руки:
— Мы… мы не знали, что тут билеты нужны. Мы вообще не знали, что это поезд. Думали, аттракцион.

Проводник наклонился, и огонёк в глазнице вспыхнул ярче.
— Здесь нет аттракционов, — процедил он. — Здесь есть правила. И у меня есть компостер.

Анна почувствовала, как медальон под рубашкой снова потеплел. Она знала: нельзя называть проводника по имени — ни вслух, ни даже про себя. В этом междумирье имена были якорями, и если сорвать покров, реальность могла треснуть. Поэтому она осторожно сказала:
— Уважаемый… Тот-кто-держит-путь… Мы готовы заплатить. Но у нас нет денег.

Проводник фыркнул, и в вагоне на мгновение потемнело, словно солнце спряталось за тучей. Анна поняла: чуть не нарушила правило. Нельзя было даже придумывать лишние эпитеты.

— Тогда платите чем-то другим, — буркнул проводник, постукивая компостером по ладони. — Чем-то, что имеет вес в этих краях.

Я вдруг выпрямился, будто нашёл опору:
— А если я починю что-то? Тут же всё старое. Проводка, наверное, искрит. Я могу… я умею.

Проводник посмотрел на него долгим взглядом, и огонёк в глазнице чуть дрогнул.
— Тут не проводка, парень. Тут сама тьма искрит. Но… — он помолчал, будто прислушиваясь к чему-то далёкому, — есть одна вещь. В третьем вагоне перегорел фонарь. Не обычный, а тот, что держит границу. Если починишь — пропущу. Без сказки. Без клятв.

Анна хотела возразить, но я уже кивнул:
— Показывай.

Проводник махнул рукой в сторону тамбура, и дверь сама распахнулась, впуская внутрь волну густого, почти осязаемого тумана.

— Только быстро, — бросил он. — Следующая станция — не для живых. И не для мёртвых. Для тех, кто застрял посередине.

Я шагнул в проход, Анна — за мной. В тамбуре пахло озоном и сыростью, как перед грозой. В углу, под потолком, тускло мерцал фонарь — стеклянный колпак, внутри которого клубилась тьма, разбавленная редкими искрами.

— Вот он, — сказал проводник, оставаясь у двери. — Почини. Или останетесь здесь. Навсегда.

Я снял куртку, достал из кармана маленький фонарик и отвертку. Мои руки дрожали, но движения были точными. Я аккуратно снял колпак, заглянул внутрь и вдруг замер.

— Тут нет проводов, — тихо сказал я. — Тут… что-то другое. Как будто сама темнота собрана в узел.

Анна подошла ближе и прошептала:
— Попробуй не чинить. Попробуй… договориться. Ты же умеешь ладить с непослушными вещами.

Я хмыкнул, но в глазах у меня мелькнуло понимание. Я закрыл глаза, глубоко вдохнул и тихо, почти беззвучно, произнёс:
— Ладно, ты сложная. Но мы не враги. Давай просто гореть. Нормально. Без истерик.

И вдруг тьма внутри фонаря дрогнула. Искры стали ярче, узел как будто распутался, и свет выровнялся — не ослепительный, но тёплый, настоящий.

Проводник, стоявший в дверях, медленно кивнул.
— Сойдёт, — буркнул он. — Проходите. И держитесь подальше от окон. Там, снаружи, кое-кто любит смотреть в ответ.

Мы вернулись в купе. Дверь за ними закрылась, и поезд снова набрал ход, унося нас дальше, сквозь туман, где границы между мирами становились всё тоньше.

Анна села на жёсткую скамью, прижимая к себе металлическую фишку из игры. Я сел напротив, вытер лоб рукавом и криво улыбнулся.

— Ну, вот. Теперь мы пассажиры. Официально.

Анна кивнула, глядя в окно, где туман расступался, открывая на мгновение очертания станции — тёмной, безлюдной, с фонарями, похожими на пустые глазницы.

— Официально, — повторила она. — Но это не значит, что мы знаем, куда едем.

Я пожал плечами:
— Зато знаем, как не вылететь на первой же остановке. А остальное… придумаем по дороге.

Поезд стучал колёсами, и каждый стук звучал как новая строчка в нашей истории — истории, которую нам предстояло прожить до конца. И Анна знала: самое странное ещё впереди.

Мрачные посёлки средней полосы

Поезд ушёл, оставив после себя только гулкое эхо и полосу примятой травы, будто он и не ехал по рельсам, а прополз по самой границе мира. Анна и я стояли на пустом перроне, где фонари напоминали пустые глазницы, а воздух был густым, как остывший кисель.

Перед нами раскинулся посёлок — не тот, что рисуют на открытках, а чужой, перекошенный, будто его строили не люди, а сама тьма, подглядывая за человеческими чертежами. Дома из серого силикатного кирпича врастали в землю, будто стыдились своего существования. Бетонные панельки кренились, как пьяные, и в их окнах мерцал оранжевый свет — не от лампочек, а от костров, разведённых прямо посреди пустых квартир. Пламя лизало ободранные стены, и тени плясали так, будто у них были свои планы на этот вечер.

На пустыре, где когда-то, наверное, была детская площадка, резвились анчутки — юркие, с глазами-бусинами и пальцами, похожими на сухие веточки. Они вырезали страшные рожицы на подгнившей тыкве, хохотали тонким, скрипучим смехом и швыряли друг в друга комья земли, пахнущей плесенью и старым железом.

— Знаешь, — тихо сказал я, вглядываясь в этот пейзаж, — я думал, страшнее всего — это когда в щитке искрит. А тут… тут искрит сам воздух.

Анна крепче сжала в кармане металлическую фишку из игры «Междумирье». Та чуть вибрировала, будто чувствовала, что игра сделала новый ход.

— Нам надо пройти сквозь посёлок, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Поезд дальше не пойдёт. Значит, дорога теперь здесь.

Мы ступили на разбитую асфальтовую дорожку, которая тут же попыталась нас обмануть: плитки под ногами шевелились, будто живые, и норовили выскользнуть из-под подошвы. Я машинально протянул руку, чтобы удержать Анну, когда та чуть не поскользнулась на чём-то скользком — то ли мох, то ли тень, принявшая форму пятна.

— Держись ближе к середине, — пробормотал я. — У края всегда хуже.

В этот момент из-за угла панельного дома выскочил мальчишка в драной куртке и с тыквенной головой на плечах — прорези глаз и рта были неровными, будто их делали в спешке. Он уставился на нас, потом хихикнул и прокричал:

— На праздник! На праздник! У нас тут Самайн по-нашему, по-здешнему! Кто с нами — тому тыкву дадут! А кто мимо — того анчутки утащат!

Анна хотела было отмахнуться, но я вдруг наклонился к ней и шепнул:

— Знаешь, в таких местах лучше не отказываться от приглашения. Особенно если оно звучит как угроза. Пойдём. Посмотрим, что за праздник такой.

И мы пошли за мальчишкой, который петлял между домами, будто знал секретные тропы, невидимые глазу.

Площадь, на которую мы вышли, была заставлена столами из старых дверей, положенными на ящики. На столах стояли миски с чем-то тёмным, кружки из битых чашек, и повсюду валялись тыквы — целые, треснувшие, с вырезанными лицами, которые, казалось, следили за

каждым движением. В центре горел огромный костёр, и пламя в нём было не обычным, а с фиолетовыми прожилками, будто в дрова подмешали что-то странное.

Вокруг костра водили хоровод — не люди, не совсем. Кто-то в старых пальто, кто-то в лохмотьях, а кто-то вообще без лица, только с очертаниями головы. Они пели песню без слов, и ритм её отдавался в груди, как стук далёкого поезда.

Ко мне и Анне подошла женщина в вязаном платке, поверх которого была надета жестяная корона из консервных банок. В руках она держала тыкву, на которой было вырезано не страшное, а скорее усталое лицо.

— Новенькие? — спросила она, прищурившись. — Ну, проходите. У нас тут не бал, но и не поминки. Самайн — он такой: и плакать хочется, и плясать.

Я неловко улыбнулся:
— Мы, честно говоря, просто мимо шли. Но раз уж пригласили…

Женщина хмыкнула, будто услышала что-то забавное:
— Мимо тут не ходят. Тут либо с нами, либо против нас. А против нас — холодно. Держите тыкву. Это вместо билета.

Она сунула нам в руки по тыкве. Анна осторожно взяла свою, чувствуя, как по пальцам пробегает лёгкий холодок. На поверхности тыквы проступали тонкие линии — не вырезанные, а будто проросшие изнутри.

— И что теперь? — спросил я, оглядываясь по сторонам. — Мы должны её съесть? Или станцевать с ней?

Женщина снова хмыкнула:
— Да ничего. Просто несите. Пока не попросят отдать. А попросят — отдадите самое ценное, что есть. Или придумаете сказку. У нас тут любят сказки. Особенно те, что похожи на правду.

Анна вдруг почувствовала, как медальон под рубашкой снова потеплел. Она вспомнила правило: нельзя называть местную нечисть по именам. И тут же в воздухе что-то дрогнуло, будто кто-то провёл невидимой рукой по стеклу. Пламя костра на мгновение стало зелёным, а потом вернулось к своему фиолетовому оттенку.

— Эй, полегче с мыслями, — шепнул я. — Тут, кажется, даже думать надо осторожно.

В этот момент к нам подошёл мужчина в рабочем комбинезоне, с лицом, изборождённым морщинами, как старая карта. Он держал в руках гаечный ключ и смотрел на меня с каким-то странным уважением.

— Ты, я вижу, парень рукастый, — пробасил он. — У нас в третьем цеху половина смены — чистые сиды: всё ломают, ничего не чинят. Если поможешь генератор запустить — будешь почётным гостем. А то без света тут веселье какое-то… неправильное.

Я приподнял бровь:

— Сиды? В цеху?

Мужчина махнул рукой:
— Ну, ты знаешь. Такие, что вечно в тени прячутся, а как до дела — так их нет. Но ты не бойся, они не злые. Просто… не отсюда.

Анна поняла, что это и есть тот самый «трудности перевода» момент: кельтские понятия, вплетённые в суровый русский быт.

— Ладно, — сказал я, поправляя лямку инструментального пояса. — Генератор — так генератор. Хоть что-то привычное.

Я пошёл за мужчиной, а Анна осталась стоять с тыквой в руках, чувствуя себя одновременно глупо и странно. К ней подошла девочка лет десяти, в платье, которое когда-то было белым, а теперь стало серым от пыли и копоти.

— Ты не бойся, — сказала девочка, глядя на Анну серьёзными глазами. — Тут все сначала боятся. А потом привыкают. У нас тут Дикая Охота каждую неделю мимо проходит — так мы даже не выглядываем. Привыкли.

Анна вздрогнула, но тут же прикусила язык, чтобы не спросить лишнего. Нельзя называть по именам. Нельзя.

— А ты… ты тут живёшь? — осторожно спросила она.

Девочка пожала плечами:
— Тут все живут. Кто-то дольше, кто-то меньше. Ты просто ещё не поняла, где ты. Но поймёшь. Обязательно.

Тем временем я уже стоял у ржавого генератора, который выглядел так, будто его собрали из деталей разных эпох. Мужчина в комбинезоне что-то объяснял, размахивая руками, а я кивал, щурился и время от времени постукивал по корпусу.

— Тут не электричество нужно, — пробормотал я себе под нос. — Тут… что-то другое.

Я закрыл глаза, прислушался — не к звукам, а к тому, как вибрирует металл, как дышит машина. И вдруг понял: генератор не сломан. Он просто не хотел работать. Как упрямый кот, который лежит на клавиатуре и смотрит тебе в глаза.

— Ладно, ты сложный, — тихо сказал я, положив ладонь на горячий бок агрегата. — Но мы же не враги. Давай просто работать. Без истерик.

И генератор вдруг чихнул, кашлянул, а потом заурчал — не громко, но уверенно, как старый мотор, который наконец-то вспомнил, зачем он здесь.

Свет вспыхнул — не яркий, а тусклый, желтоватый, как от старых ламп накаливания. Люди на площади заулыбались, кто-то захлопал в ладоши, а женщина в жестяной короне подошла ко мне и торжественно вручила мне кружку с чем-то горячим и пахнущим пряностями.

— Теперь ты свой, — сказала она. — Хоть и ненадолго.

Анна подошла ко мне, держа тыкву, как трофей.

— Ну что, — сказала она, улыбаясь, хотя в глазах у неё всё ещё стоял страх. — Кажется, мы прошли первый круг.

Я отхлебнул из кружки, поморщился, потом пожал плечами:

— Не так страшно, как казалось. Главное — не называть вещи своими именами. Тут, похоже, слова имеют вес.

Мы стояли рядом, глядя, как люди снова собираются в хоровод, как пламя костра рисует на их лицах странные тени, и понимали: это не конец. Это только начало.

Свет от генератора дрожал, как живое существо: то вспыхивал ярче, то почти гас, будто прислушивался к дыханию посёлка. Тени от домов стали длиннее, и в их складках мелькали силуэты — не люди, не звери, а что-то среднее, будто само пространство решило примерить человеческую форму.

Анна крепче прижала к себе тыкву. Та уже не казалась просто овощем: в неровных бороздах проступали узоры, похожие на руны, а если присмотреться — в глубине мякоти мерцали крошечные огоньки, будто внутри пряталась целая звёздная ночь.

К нам снова подошла девочка, в сером платье. Она протянула Анне маленький лоскуток ткани, выцветший, но аккуратно сшитый.

— Держи, — прошептала она. — Это чтобы не потерять себя. Тут легко забыть, кто ты. Особенно когда праздник шумит.

Анна взяла лоскуток, ощутив под пальцами не просто ткань, а что-то тёплое, будто его только что держали в ладонях.

— Спасибо, — тихо сказала она. — А ты… ты всегда тут?

Девочка чуть склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Я тут, пока меня помнят, — ответила она и улыбнулась — не грустно, а как будто знала какой-то очень важный секрет. — А ты не стой на месте. Праздник не любит, когда на него просто смотрят. Он хочет, чтобы в нём жили.

И она исчезла в толпе, растворилась среди танцующих, как капля в тёмной воде.

Я допил содержимое кружки, поморщился, но не выплюнул — скорее, пытался понять, из чего это сварено.

— Знаешь, — сказал я, подходя к Анне, — тут даже пряности пахнут иначе. Как будто специи собирали не на грядке, а в снах.

Анна кивнула, не отрывая взгляда от хоровода. Люди — или те, кто притворялся людьми — двигались в странном ритме: шаг вперёд, два назад, поворот, будто пытались обойти невидимую преграду. И в этом танце было не веселье, а какая-то отчаянная необходимость — будто они удерживали что-то на месте, не давая ему вырваться наружу.

В этот момент из темноты между домами вышел тот самый мужчина в рабочем комбинезоне, что звал меня к генератору. Теперь в его руке был не гаечный ключ, а старый блокнот в потрёпанной обложке.

— Слушай, — пробасил он, наклоняясь ко мне, — генератор — это полдела. У нас тут ещё одна проблема. В пятом доме, в подвале, сидит… ну, скажем так, Тот-кто-в-подвале. Он не злой, просто скучный. И от его скуки стены начинают плакать. А когда стены плачут — они становятся тоньше. А когда они тоньше — сюда заглядывают те, кому тут не место.

Я приподнял бровь:

— И что ты хочешь, чтобы я сделал? Поговорил с ним о погоде?

Мужчина хмыкнул, будто это была самая здравая идея на свете.

— Именно. Или почини что-нибудь рядом. Он любит, когда что-то щёлкает и работает. Это его успокаивает. Если успокоишь — праздник сможет идти дальше. А если нет… — он пожал плечами, и в этом жесте было больше ужаса, чем в любом крике. — Тогда придётся звать тех, кто умеет закрывать двери. А они берут дорого.

Анна почувствовала, как медальон под рубашкой снова потеплел, будто подсказывал: это их следующий шаг.

— Мы пойдём, — сказала она, опережая мои возражения. — Если это поможет удержать… всё это.

Я посмотрел на неё, потом на блокнот в руке мужчины, потом снова на неё. И кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.